

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.12.32.002

Соотношение реального и ноуменального в контексте становления поэтического мировосприятия С.А. Есенина

Баринова Елена Олеговна

Корреспондент,
Литературный журнал «Лазурь»;
e-mail: elenabarinova_1990@mail.ru

Аталян Гаяне Бориковна

Ассистент кафедры русского языка № 1,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: atalyan_gb@rudn.university

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые ранние стихотворения С.А. Есенина в контексте понимания поэтом космических принципов творчества, Логоса. Анализируется особое взаимодействие мира реального и идеального, характерное для ранней лирики поэта, выделяются доминанты видимого и невидимого, дольнего и горнего. Проводятся параллели с творчеством А.С. Пушкина, стихотворением «Пророк»: сопоставляются восприятие художником слова собственного поэтического дара, размышления о миссии поэта-пророка. Особое внимание уделяется этнографической составляющей есенинской поэзии, народным представлениям о природе, народному календарю. Поэт был хорошо знаком с фольклором, собирал его и изучал труды фольклористов. В раннем стихотворении «Чую радуницу Божью...» поэт обращается к сакральному времени в годовом цикле, ко дню в честь усопших, когда связь между реальным и идеальным полнее ощущается людьми. Без внимания к этнографической фольклорной действительности нельзя понять многие моменты в лирических текстах Есенина. Для целостного восприятия художественного текста авторы обращаются к структурно-типологическому, сравнительно-сопоставительному, системно-комплексному (культурологическому) методам исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Баринова Е.О., Аталян Г.Б. Соотношение реального и ноуменального в контексте становления поэтического мировосприятия С.А. Есенина // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 6А. С. 12-21. DOI: 10.34670/AR.2020.12.32.002

Ключевые слова

Мир ноуменальный, мироздание, мотив странничества, философские вопросы текста, «Пророк» Пушкина, поэтика Есенина, традиционная культура.

Введение

Вопрос взаимопроникновения, взаимодействия мира земного и небесного является одним из основных вопросов философии, религии и искусства. В русской литературе этой проблеме уделяется огромное внимание, но не всегда в литературоведении отводят этому особое место. Однако в современной гуманитаристике обнаруживаем ряд филологических и культурологических исследований, посвященных метафизическим аспектам художественного слова [Гачева, 2019; Дударева, 2018; Океанский, 2010]. Интересен и самобытен взгляд С.А. Есенина на эту проблему, поскольку в его творчестве, трактате «Ключи Марии», обоснованы принципы космического начала в искусстве, связанные, по мысли исследователей, прежде всего с *орнаментом*, вышивкой [Галиева, 2014, 28]. В полной мере развитие его представлений можно проследить на примере стихотворений «Чую радуницу Божью...», «Не напрасно дули ветры...», «Душа грустит о небесах...». Обратимся к указанным лирическим текстам в разветвленном культурно-историческом контексте с применением структурно-типологического, сравнительно-сопоставительного, системно-комплексного (культурологического) методов исследования, которые позволяют комплексно подойти к анализу художественного текста, показать национальный космос в поэтике Есенина.

Поэтический космос Есенина: ноуменальное пространство поэзии

Начнем со стихотворения 1914 г. «Чую радуницу Божью...»:

Чую радуницу Божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву [Есенин, 1995, т. 1, 56].

Радуница – день поминовения усопших. Поэт чувствует связь с миром невидимым, и в поддержании этой связи видит смысл собственной жизни и поэтического служения. Более того, мир реальный сливается с миром ноуменальным, грань между ними стерта. Такой же вывод делает С.Н. Пяткин при анализе поэм Есенина. Он утверждает, что Есенин «одномоментно воспринимает все мироздание» [Пяткин, 2013, 100]. О «храмовом» свойстве природы Есенина пишет также В.В. Лепяхин. Он же отмечает, что Есенин ставит задачу поиска средств изображения «иконического единства двух миров» [Лепяхин, 2002, 645], мира видимого и мира невидимого. На это обращают внимание не только филологи, но и философы. П.И. Симуш отмечает, что лирический герой Есенина, существо поэтического сознания Есенина, почти всегда соединяет земное и космическое пространство, образуя общий *поэтический универсум* [Симуш, 2008, 11]:

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок
Мне мерещится Иисус [Есенин, 1995, т. 1, 56].

Здесь дан не канонический образ Христа. Он является в окружении русского леса. Мир,

родина, природа воспринимаются поэтом как Небесное Царство:

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес [Там же].

Мотив странничества и бродяжничества, точнее, его трансформация, – главное, что отличает образ есенинского поэта от поэта, который предстает перед нами в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк», и от поэта, которого мы видим в «Пророке» М.Ю. Лермонтова. У Пушкина поэт в пустыне переживает перерождение [Пушкин, 1974, т. 2, 82-83], у Лермонтова поэт, непонятый и отвергнутый людьми, уходит в пустыню [Лермонтов, 1988, т. 1, 224-225]. У Есенина лирического героя мы встречаем в лесу. В 1922 г. он напишет:

Брошу все, отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси [Есенин, 1995, т. 1, 161].

Его поэт, его лирический герой – странник, но его путь особый, территориально ограниченный русской землей, связан с географией русской равнины, и здесь можно поставить в культурологическом аспекте вопрос о *гении места* [Едошина, 2012]. Если лирическому герою Пушкина завещано проповедовать, «обходя моря и земли» [Пушкин, 1974, т. 2, 83], откровения лирического героя Лермонтова в пустыне слушают лишь звери и звезды [Лермонтов, 1988, т. 1, 224], то странничество Есенина ограничено в сакральном смысле *Русью*. И он не уходит от мира – он странствует по миру. Так как природа и мир для него – это храм, а мир феноменальный един с миром невидимым, горним, то его странничество превращается в паломничество, он словно бродит не только по земле, среди видимых объектов, но и по небу, существует в двух измерениях – мире дольном и мире горнем. В его поэтике наблюдаются два топоса – реальный и идеальный, граница между ними условна.

И у Пушкина, и у Лермонтова пустыня – рубеж между мирами. Мир дольный и мир горний разделены. У Пушкина поэт – Божий посланник в несовершенный мир людей. У Лермонтова поэт, изгнанный людьми из города, живет в пустыне – он уже не в мире земном, но еще и не в мире небесном. А у Есенина поэт существует в мире *невидимом*:

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст [Есенин, 1995, т. 1, 163].

Бродяжничество для Есенина – еще и источник поэтического вдохновения (ср. с *бродничеством* молодого бунинского Арсеньева [Дударева, 2019]).

Еще раз вернемся к стихотворению «Чую радуницу Божью...».

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик [Есенин, 1995, т. 1, 56].

Здесь можно поставить вопрос о прямом или латентном влиянии стихотворения Пушкина «Пророк». Н.И. Шубникова-Гусева пишет, что Есенин, планировавший создать одноименное произведение, «скорее всего, развил идею Пушкина – “глаголом жги сердца людей”» [Шубникова-Гусева, 2001, 5]. С.Н. Пяткин, не отрицая диалога между поэтами, в некоторых аспектах полемизирует с исследователем и указывает на «особую сущность есенинской идеи образа поэта-пророка как носителя Высшей Истины, познавшего ее вне божественного откровения» [Пяткин, 2013, 100]. Однако в данном стихотворении описывается проявление божественного начала.

Также литературовед приходит к выводу, что для Есенина «пушкинская идея “поэта-пророка”, как ее вероятнее всего мог воспринимать юный Есенин, была недостаточно самостоятельна» [Там же, 99]. Он делает этот вывод на основе анализа писем Есенина 1909-1913 гг. Обращаем внимание на то, что стихотворение было написано несколько позднее, в 1914 г.:

Льетса пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров [Есенин, 1995, т. 1, 57].

Божественное пламя проникает в него через глаза – главный образ, использующийся для обозначения отличия поэта от других людей. В стихотворении Пушкина «Пророк» ангел в первую очередь касается глаз поэта, и они преображаются: «Открылись вещие зеницы...» [Пушкин, 1974, т. 2, 82].

У Пушкина поэт перерождается в зрелом возрасте, а есенинскому герою откровение дано с рождения. Это отмечает и С. Н. Пяткин: «Он – изначально посвященный, избранный и адепт высшего и полного знания сокровенных тайн мира, скрытых от смертного» [Пяткин, 2013, 101].

Возникает кольцевая композиция. В начале – Радуница, связь с умершими, в конце – детство, таинство рождения и рождение – как первый шаг к смерти. Одно неразрывно связано с другим. Жизнь, которую поэт чувствует и проживает, не имеет границ, обозначаемых рождением и смертью.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы отмечается в честь дня, когда людям явилась Дева Мария, держа над землей свой омофор (в народе – покров), верхнее облачение, символизирующее защиту земли. Здесь может быть интересна параллель между биографией и творчеством. Покров празднуется 14 (1) октября. День рождения Есенина – 3 (21) сентября, в день Рождества Богородицы.

В стихотворении 1917 г. «Не напрасно дули ветры...» образ Бога еще менее иконичен, чем в первом стихотворении:

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза [Есенин, 1995, т. 1, 85].

Более того, откровение, полученное поэтом, имеет почти языческое происхождение. Лирический герой чувствует на себе влияние сил природы, которые после восторженного

очарования миром даровали ему покой. При описании божественного преображения поэта упоминаются лишь глаза. Как и в первом стихотворении, нет грубой телесности, антропологичности, как, например, в «Пророке» Пушкина, где перечисляются части:

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле [Там же].

Очевидна завершенность размышлений, ранее тревоживших поэта. Растворенный в природе мир, не видимый для большинства людей, он называет прекрасной землей – значит, он его видел. Но теперь высшую реальность, мир небесный поэт называет нездешним. Пророк, который по этой земле странствует, говорит о ней как о неразгаданной и даже отчасти апофатической, потому что все тайны мироздания не могут быть понятны даже ему. Из-за этой неразгаданной тайны мир ноуменальный, казавшийся таким близким для поэта, отдалается:

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг [Там же].

Но поэт не подавляет величие, мощь, загадка окружающего мира, который тем более притягателен, что построен на необъяснимой гармонии земного и Божьего, телесного и духовного, видимого и невидимого. Он, как и прежде, видит не ограниченную периодом собственной жизни горизонталь, а *всеобъемлющую вертикаль времени* – и живет в этой системе координат. Вселенная во всех ее проявлениях и во все периоды (прошедшие и будущие) ее существования – его дом. Теперь он любит мир не восхищенно, изумленно, с удивлением перед открытием, а более тепло. Теперь это чувство подобно отношению поэта к родительскому дому:

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло [Там же].

То, что раньше пугало неизвестностью, теперь не тревожит. *Неведомое* не страшно, не враждебно.

В первом стихотворении мир земной и небесный слиты, между ними нет границы, здесь – разъединены, но взаимодействуют между собой. В стихотворении 1917 г. поэт словно проводит между ними зыбкую, колеблющуюся грань. В стихотворении «Чую радуницу Божью...» показано их слияние, их гармоничное единение, а в стихотворении «Не напрасно дули ветры...» – механизм их взаимодействия.

Мир идеальный проявляет себя в повседневности. Метафорами Есенин соединяет явления природы и бытовые явления, таким образом раскрывая полное взаимопроникновение мира предметного и невидимого: закат – мак, озеро – стекло:

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка [Там же, 86].

Здесь уместно опять вспомнить строчку из «Пророка» Пушкина «Исполнишь волею моей...» [Пушкин, 1974, т. 2, 83]. Вновь, как и в стихотворении «Чую радуницу Божью...», наблюдается соответствие пушкинской идее поэта-пророка, чей голос – глас Божий. Образ рвется невольно – словно стихии, невидимые силы управляют поэтом. Здесь описана высшая степень единения с миром, доходящая до обезличивания.

Важно упоминание телка. В воспоминаниях поэта И.В. Грузинова приводятся слова Есенина о том, что символом России должна быть корова: «Кто о чем, а я о корове. Знаешь ли, я оседлал корову. Лошадь для нас не характерна. Взгляни на карту – каждая страна представлена по-своему: там осел, там верблюд, там слон... А у нас что? Корова! Без коровы нет России» [Грузинов, www].

Этими же категориями он описывает свою поэтическую миссию в стихотворении «Разбуди меня завтра рано...», и на этот ритуальный момент в тексте уже обращали внимание исследователи [Галиева, 2016]:

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, пастуха и кров,
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров! [Есенин, 1995, т. 1, 116]

Если в стихотворении «Чую радуницу Божью...» 1914 г. мы видим лирического героя Есенина будто в начале странствия по миру, который открылся ему со всей своей загадочной двойственностью, то в стихотворении 1917 г. он предстает перед нами после этого странствия. Во втором стихотворении описано не разочарование, а удовлетворение от познания и легкая грусть оттого, что не все тайны ему открыты.

Если воспринимать творчество имманентно, то логическим завершением в этом ритуальном контексте может служить стихотворение 1919 г. «Душа грустит о небесах...» [Там же, 138]. В нем уже нет того созерцания слияния видимого мира и невидимого, как в стихотворении «Чую радуницу Божью...». Более того, может показаться, что эти два мира словно разъединяются окончательно. Мир видимый теперь проекция, отражение мира невидимого, идеального. И поэт воспринимает мир невидимый как отражение его в себе – и самого себя воспринимает как проекцию мира невидимого:

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится [Там же].

Огонь, который поэт ощущает в себе («Льется пламень в бездну зренья...» [Там же, 57]), теперь он замечает в мире. Все земное словно вместе с поэтом хочет разгадать тайну вечности:

Понятен мне земли глагол,
Но не страхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету [Там же, 138].

Он опять ощущает томление перед тайной, смиренную печаль перед *неразгаданным* – потому что его причастие к неразгаданному не принесло ожидаемого избавление от этой печали. Уйти от мыслей о неведомом оказалось невозможным, даже когда тайна открылась – до тех пределов, до которых человек может ее постичь.

Мир видимый – храм, в котором не прекращается служение миру невидимому:

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной [Там же].

Здесь также обращаем внимание на высокую семантику колоратива «золотой».

Первоначальная наивная простота, близость и открытость ноуменального мира оказалась обманчивой. Погрузиться в ноуменальный мир полностью, познать его полностью – это идеальная мечта, стремление, накал которого постепенно утих – от восторженности он перешел в разряд обреченности. И эту обреченность поэт чувствует не только в себе, но и во всем видимом мире:

Понятен мне земли глагол,
Но не страхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.
Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну... [Там же]

И эта обреченность поэта усугубляется некой бездейственностью – вынужденной, продиктованной величием, безнадежной недосыгаемостью тайны. И эта очевидная недосыгаемость делает невозможным путь служения: «И, что примечательно, (*мир*) не наставляет его на путь служения богооткровенному слову, а вверяет ему само это богооткровение» [Пяткин, 2013, 101].

Но действительно ли видимое и невидимое теперь абсолютно разьединено? Процитируем позднее стихотворение:

О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину [Есенин, 1995, т. 1, 138].

Корни дерева – в земле, листья – в небе. Именно листьям, находящимся высоко над землей, «проросшим» в небо, поэт приписывает больше возможностей овладеть тайной идеального мира, чем чувствует в себе. И мечтает о такой же способности, уповая, конечно же, на собственные глаза. Ведь именно зрение символизирует его поэтический дар. Ранее он

преклонялся перед тайной:

Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву [Там же, 56].

Теперь, после странствия по миру горнему, он жалеет о недостижимых высотах в постижении этой тайны.

Заключение

Во всех трех стихотворениях С.А. Есенина упоминаются глаза, зрение в контексте божественного преобразования. Мотив этот, конечно, присутствует в стихотворении «Пророк» А. С. Пушкина, но трансформирован в творчестве поэта начала XX в. В доказательство того, что эта литературная традиция жива, можно вспомнить слова критика и литературоведа Л.А. Аннинского, который говорил о том, что поэт просто *поворачивает хрусталик* и по-другому, нежели обыватели, смотрит на мир. Эти слова можно отнести и к поэтическому дару, и вообще к *гению*, который видит мир по-другому, *имагинативно*.

Библиография

1. Галиева М.А. Власть земли. Фольклорная традиция в творчестве С.А. Есенина и В.Г. Распутина // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 28-37.
2. Галиева М.А. Фольклорные формулы в поэтике раннего С.А. Есенина (формула «встану рано») // Научный диалог. 2016. Т. 49. № 1. С. 141-148.
3. Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. 734 с.
4. Грузинов И.В. Есенин. URL: <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/gruzinov-i-v-esenin>
5. Дударева М.А. Поиски иного царства в русской литературе XIX – начала XX века: фольклорная эстетика. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 352 с.
6. Дударева М.А. Фольклорная действительность в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 173-183.
7. Едошина И.А. «Genius loci» как тест культуры // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 5. С. 48-53.
8. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М., 1995. Т. 1. 672 с.
9. Лепяхин В.В. Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. 736 с.
10. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1988. Т. 1.
11. Океанский В.П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. Иваново, 2010. 358 с.
12. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2.
13. Пяткин С.Н. Тема «поэта-пророка» в житетворчестве Есенина как диалог-соперничество с Пушкиным // Приволжский научный вестник. 2013. Т. 2. № 8. С. 99-103.
14. Симуш П.И. Поэтическая мудрость С.А. Есенина. М.: ИФ РАН, 2008. 231 с.
15. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: от «Пророка» до «Черного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 687 с.

The combination of the real and the noumenal in the context of the formation of the poetic perception of the world by S.A. Yesenin

Elena O. Barinova

Correspondent at the literary magazine "Lazur";
e-mail: elenabarinova_1990@mail.ru

Gayane B. Atalyan

Assistant Lecturer at Department of the Russian language No. 1,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: atalyan_gb@rudn.university

Abstract

The article examines some of the early poems of S.A. Yesenin in the context of the poet's understanding of the cosmic principles of creativity, the Logos. The author analyzes the special interaction of the real and the ideal world, characteristic of the poet's early lyrics, highlights the dominants of the visible and invisible. Parallels are drawn with the work of A. Pushkin, the poem "The Prophet": the artist's perception of the word of his own poetic gift, reflections on the mission of the poet-prophet are compared. Special attention is paid to the ethnographic component of Yesenin's poetry, folk ideas about nature, the folk calendar. The poet was well acquainted with folklore, collected it and studied the works of folklorists. In the early poem "I Feel the Rainbow of God..." the poet refers to the sacred time in the annual cycle, to the day in honor of the dead, when the connection between the real and the ideal is felt more fully by people. It is impossible to understand many moments in Yesenin's lyric texts without attention to ethnographic folklore reality. The study is based on the holistic analysis of a literary text using the structural-typological, comparative, system-integrated (culturological) research methods. These methods make it possible to highlight the ontological plan in the poem.

For citation

Barinova E.O., Atalyan G.B. (2020) Sootnoshenie real'nogo i noumenal'nogo v kontekste stanovleniya poeticheskogo mirovospriyatiya S.A. Esenina [The combination of the real and the noumenal in the context of the formation of the poetic perception of the world by S.A. Yesenin]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (6A), pp. 12-21. DOI: 10.34670/AR.2020.12.32.002

Keywords

Noumenal world, universe, motive of wandering, philosophical issues of the text, Pushkin's "Prophet", Yesenin's poetics, traditional culture.

References

1. Dudareva M.A. (2019) Fol'klornaya deistvitel'nost' v romane I.A. Bunina "Zhizn' Arsen'eva" [Folklore reality in I.A. Bunin's "The Life of Arseniev"]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 54, pp. 173-183.

2. Dudareva M.A. (2018) *Poiski inogo tsarstva v russkoi literature XIX – nachala XX veka: fol'klornaya estetika* [Searches for another kingdom in the Russian literature of the 19th and the early 20th centuries: folklore aesthetics]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.
3. Edoshina I.A. (2012) “Genius loci” kak test kul'tury [The "genius loci" as a test of culture]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 5, pp. 48-53.
4. Esenin S.A. (1995) *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t.* [Complete works: in 7 vols.], Vol. 1. Moscow.
5. Gacheva A.G. (2019) “*Ideal ved' tozhe deistvitel'nost'...*”: *russkaya filosofiya i literatura* [“The ideal is also a reality...”: Russian philosophy and literature]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
6. Galieva M.A. (2016) Fol'klornye formuly v poetike rannego S.A. Esenina (formula “vstanu rano”) [Folklore formulas in S.A. Yesenin’s early poetry (the "getting up early" formula)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 49 (1), pp. 141-148.
7. Galieva M.A. (2014) Vlast' zemli. Fol'klornaya traditsiya v tvorchestve S.A. Esenina i V.G. Rasputina [The power of the earth. Folklore tradition in the works of S.A. Yesenin and V.G. Rasputin]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 3, pp. 28-37.
8. Gruzinov I.V. *Esenin* [Yesenin]. Available at: <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/gruzinov-i-v-esenin> [Accessed 01/10/20].
9. Lepakhin V.V. (2002) *Ikona v russkoi khudozhestvennoi literature. Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy* [Icons in Russian fiction. The icon and the veneration of icons, icon painting, and icon painters]. Moscow: Otchii dom Publ.
10. Lermontov M.Yu. (1988) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Pravda Publ.
11. Okeanskii V.P. (2010) *Chelovek i total'nost': poetika prostranstva i ee krizis* [Man and totality: the poetics of space and its crisis]. Ivanovo.
12. Pushkin A.S. (1974) *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Works: in 10 vols.], Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
13. Pyatkin S.N. (2013) Tema “poeta-proroka” v zhiznetvorchestve Esenina kak dialog-sopernichestvo s Pushkinym [The theme of "the poet-prophet" in the life of Yesenin as a dialogue-competition with Pushkin]. *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky scientific journal], 2 (8), pp. 99-103.
14. Shubnikova-Guseva N.I. (2001) *Poemy Esenina: ot “Proroka” do “Chernogo cheloveka”*: tvorcheskaya istoriya, sud'ba, kontekst i interpretatsiya [Yesenin's poems: from "The Prophet" to "The Black Man": the creative history, fate, context and interpretation]. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.
15. Simush P.I. (2008) *Poeticheskaya mudrost' S.A. Esenina* [The poetic wisdom of S.A. Yesenin]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.